

Солнце скрылось за плотной пеленой, и мир погрузился в мрачные сумерки. В вышине, среди громоздящихся друг на друга облаков, бушевали яростный ветер и гроза.

Надвигалось небесное бедствие.

С древнейших времен всякий, кто вступал на путь самосовершенствования — будь то праведный даос или последователь темного учения, — должен был пройти через Очищение Ци, Возведение Основания, Формирование Ядра, Зарождение Души и Трансформацию Духа. Лишь преодолевая эти ступени одну за другой, заклинатель мог выйти за пределы земного существования, достичь стадии Очищения Пустоты и вознестись в Верхнее царство, уподобившись бессмертным.

Небо и земля беспристрастны, взирая на все живое как на жертвенных соломенных псов; рождение, старость, болезни и смерть — удел, которого не избежать никому. Однако те, кто ищет бессмертия, дерзают идти наперекор самой природе. За подобное святотатство приходится платить: переход на каждый новый уровень сопровождается небесной карой. Преодолеешь испытание — станешь сильнее, оступишься — душа твоя развеется прахом, бесследно растворившись между небом и землей.

С каждым новым шагом, от Очищения Ци до Трансформации Духа, небесные грозы становятся все свирепее. Но когда мастер стадии Трансформации Духа пытается совершить последний прорыв к Очищению Пустоты, тяжесть обрушивающегося на него бедствия превосходит любые прежние невзгоды.

С тех пор как пять тысяч лет назад истинный даос Юйчжан успешно преодолел это испытание и вознесся на небеса, на всем Континенте Первозданного Начала ни одному человеку не удавалось повторить его путь.

На краю тысячесаженного обрыва, усевшись на плоский гранитный валун, в позе созерцания застыл человек.

Лик его, выточенный словно из чистейшего нефрита, дышал величавым спокойствием, а осанка статью напоминала вековую сосну. Высокий головной убор и окутывающие фигуру широкие одежды придавали ему сходство с сошедшим на землю небожителем.

Однако он не был божеством и даже не принадлежал к числу обычных праведных даосов. Он был темным практиком.

Со времен сотворения мира ни один последователь темного пути не мог достичь даже стадии Трансформации Духа. Но Хэлянь не просто преодолел этот рубеж — сейчас он готовился сделать шаг к Очищению Пустоты. Добейся он успеха, и весь мир содрогнулся бы перед величием первого за десятки тысяч лет человека, который сумел бы обуздать тьму,

переродиться и обрести истинное бессмертие.

Вся Поднебесная замерла в ожидании.

Свирепый ветер рвал полы его лазурного одеяния, в тяжелых тучах глухо рокотал гром.

Небесная кара была готова сорваться вниз.

И лишь человек на валуне оставался неподвижен, словно сама скала, на которой он сидел.

В мгновение ока небосвод раскололся надвое.

Сквозь зияющую расщелину, тесня друг друга, хлынули ослепительные молнии. Неистовое сияние залило мир, превращая день в белое безмолвие, а оглушительный грохот прокатился над землей, отозвавшись в самых отдаленных уголках континента.

Заклинатели замерли в изумлении, а простые смертные, охваченные первобытным ужасом, падали на колени и, не смея поднять глаз к пылающим небесам, судорожно шептали молитвы.

Даже великий Юйчжан-чжэньжэнь пять тысяч лет назад не вызывал столь разрушительного гнева небес. Эта буря казалась способной сокрушить саму основу мироздания.

Огненные росчерки молний швыряло то ближе, то дальше, но ни один из них не мог пробить невидимую преграду вокруг мастера. Разочарованная неуязвимостью цели, небесная кара взбесилась с новой силой: раскаты грома слились в сплошной гул, а молнии посыпались нескончаемым дождем — сначала поочередно, а затем десятками одновременно. Там, куда падали эти разряды, земля обугливалась, а вековые деревья мгновенно превращались в пепел.

Окруженный безумием стихии, Хэлянь сидел с закрытыми глазами, не шевеля ни единым мускулом. Сбегающие по его лицу струи дождя придавали безупречной коже холодный блеск полированного мрамора. Разум его пребывал в абсолютной пустоте — состоянии, где нет места мыслям, и в то же время вмещал в себя мириады образов и понимание сути вещей.

Небесный закон безжалостен: он не зависит от воли человека и не замечает его гибели. Столь свирепого испытания мир не видел от начала времен. Даже Хэляню, признанному патриарху темного пути, приходилось отдавать все силы без остатка, чтобы удержаться на грани.

Всякий, кто поднялся по тропе совершенствования столь высоко, привык к боли — со временем она притупляется, обращаясь в привычный фон. Хэлянь не был исключением. Собрав воедино крупницы духовных сил и воли, он уплотнял барьер вокруг себя, сдерживая ярость тысяч молний, несущих в себе погибель.

Время утратило значение. Духовные резервы таяли, в то время как канонада над головой лишь набирала мощь, словно небеса вознамерились стереть дерзкого наглеца любой ценой.

Тонкая струйка алой крови скользнула по подбородку Хэляня.

В глубине души закипела глухая обида. Неужели лишь потому, что он был первым темным заклинателем, решившимся покорить стадию Очищения Пустоты, его испытание превосходило меру человеческих сил?

Великое бедствие, сотрясавшее землю, бушевало три дня и три ночи. Ни один заклинатель не осмелился приблизиться к грозovому эпицентру — мастера лишь издалека следили за вспышками, гадая, выстоит ли безумец в этом адском горниле.

На исходе третьих суток небосвод прорезала последняя, ослепительно-фиолетовая молния, после чего грохот мгновенно стих. Мир окутало звенящее безмолвие. Облака разошлись, и теплые солнечные лучи вновь ласково коснулись земли, словно не бывало никакой бури. О разыгравшейся драме напоминали лишь выжженная дочерна земля да превратившиеся в пепел вековые леса.

Гроза ушла, однако небосвод так и не озарился благодатным сиянием, знаменующим успешное вознесение. Тот, кто бросил вызов судьбе, погиб.

Позже несколько любопытных смельчаков поднялись на вершину утеса в надежде отыскать хоть какие-то следы легендарного мастера. Но их взорам предстали лишь растрескавшиеся от жара камни да мертвые угли. Ничто живое здесь уцелеть не могло.

Пять тысяч лет спустя. Деревня Чжоу

Солнечные лучи золотистой сеткой дрожали на сочной зелени листвы, пробиваясь сквозь густые кроны деревьев. Повсюду вились дикие лозы, усыпанные пестрыми цветами, а узловатые корни вековых дубов уходили глубоко в прозрачные воды ручья. На песчаном дне лениво покачивались изумрудные водоросли, среди которых сновали крошечные серебристые рыбешки.

Вдали вздымались пологие холмы, уходящие к лазурному горизонту; вершины самых высоких пиков тонули в молочно-белой дымке, похожей на тончайший шелк. Обычная, ничем не примечательная картина ленивого летнего полудня в глухой провинции.

— Баоэр! Баоэр!

Крики разносились по лесу. Парень по имени Чжоу Да, спотыкаясь на неровной, усыпанной

острыми камнями тропе, торопливо пробирался сквозь чащу.

Беспокойно оглядываясь по сторонам, он не приметил знакомой маленькой фигурки на привычном месте у реки. Сердце забилося чаще. Мальчишка лет тринадцати ускорил шаг, то и дело срываясь на бег и зовя брата все громче.

До ушей донесся тяжелый рокот воды — неподалеку горный поток с шумом обрушивался в глубокую чашу озера, давая начало местной речушке. В голове Чжоу Да мелькнула догадка, и он без раздумий бросился к водопаду.

И верно: сквозь водяную завесу он разглядел ребенка, сидевшего на скользком валуне прямо под ледяными струями. Мальчик ушел в воду чуть не по плечи, безвольно подставив спину под мощные удары водопада. Он не шевелился, и со стороны казалось, будто на камне застыло бездыханное тело.

— Баоэр! — закричал перепуганный парень и, бледнея, ласточкой нырнул в бурлящую воду, отчаянно загибая руками в сторону валуна.

Озеро под водопадом — Пруд Драконьей Тени — слыло бездонным. Старики поговаривали, будто в древности здесь укрывался настоящий дракон, хотя ни сам Чжоу Да, ни его отец с дедом никаких чудовищ отродясь не видавали. Зато тонули тут регулярно: заманиваемая прохладой детвора частенько не справлялась с коварными течениями, так что со временем деревенские начали обходить зловещий водоем стороной.

Но сейчас парню было не до суеверий. Пусть на дворе и стояла удушливая летняя жара, от ледяной глубины тело мгновенно свело судорогой. Сжав зубы, Чжоу Да упрямо плыл вперед, выкрикивая имя брата, пока силы не начали его покидать.

Неожиданно ногу оплели скользкие озерные водоросли. Чжоу Да дернулся, но лишь глубже ушел под воду. Он отчаянно замолотил руками, пытаясь вынырнуть, хлебнул мутной жижи и с ужасом почувствовал, как неодолимая сила утягивает его на дно. Вода сомкнулась над головой.

В самый последний миг путы на лодыжке лопнули. Чья-то крепкая маленькая ладонь ухватила его за запястье, а другая цепко уцепилась за пояс, рывком увлекая вверх, к спасительному воздуху.

Незнакомый спаситель без единого звука дотащил обмякшее тело до берега, выволок на траву и теперь молча созерцал, как откашливающийся Чжоу Да, посинев от холода, стоит на четвереньках и судорожно извергает из себя озерную воду.

Кое-как отдышавшись, парень зажал ноющий живот ручищами и прохрипел:

— Ба... Баоэр...

— Плавать не умеешь, а туда же. Зачем в омут полез? — Голос спасителя звучал на удивление холодно и ровно, сквозь него явственно проглядывало раздражение.

— Так ведь... испугался за тебя! Там же глубоко, расшибиться можно...

— Со мной ничего бы не случилось.

Мальчишке, стоявшему перед ним, едва исполнилось пять или шесть лет. Круглолицый, пухлощекий, со смешными пучками волос на макушке, перевязанными красными шнурками, он казался сошедшей с новогодней картинки куколкой. Вот только мокрая насквозь одежда сидела на нем как-то по-взрослому, а в руках он деловито держал огромного, бьющегося в судорогах карпа. Лицо ребенка оставалось не по-детски равнодушным и безупречным, словно вырезанная искусным мастером нефритовая статуэтка.

— Баоэр, ты это... не ходи туда больше, ладно? Отец велел тебя домой позвать... — Под пристальным взглядом темных, влажно блестящих детских глаз Чжоу Да растерял всю уверенность и умолк, не зная, куда деть руки.

— Я предавался созерцанию. Опасности не было. И тонуть, в отличие от некоторых, я не собирался.

— А... — Парень озадаченно поскреб затылок. — А что такое созерцание?

Малыш вместо ответа швырнул тяжелую рыбину ему прямо в грудь и пошел прочь по тропинке. Опешивший Чжоу Да едва удержал скользкую добычу, после чего торопливо засеменял следом, не переставая ворчать:

— Баоэр, да постой ты! Под ноги смотри, расшибешься ведь! Слушай, а рыбину такую где взял? В нашей речке отродясь подобных карасей не водилось. Неужто из того самого пруда выудил? Ох, Баоэр, не ходил бы ты туда больше, до греха недалеко!..

Хэлянь лишь прибавил шаг, силясь сохранить невозмутимый вид, хотя внутри у него все клокотало от ярости. Как, скажите на милость, величайший патриарх умудрился докатиться до жизни такой?

Пять тысяч лет назад во время великого бедствия он потерпел неудачу. По всем законам его душа должна была развеяться без следа, однако под шквалом карающих небесных молний Хэлянь ухитрился уберечь крошечный осколок своего сознания. Он полагал, что лучшим исходом для него станет перерождение в теле какого-нибудь лесного цветка или дерева, где пришлось бы веками копить силы, дабы вновь обрести человеческий облик. Но судьба распорядилась иначе: его угасающий дух нашел пристанище в теле мертворожденного

младенца в богом забытой деревне Чжоу. Так великий заклинатель сделался крестьянским сыном по имени Чжоу Баоэр — младшим братом этого недотепы Чжоу Да.

Пять тысяч лет пролетели как один миг. Облик Континента Первозданного Начала разительно изменился: некогда единая могущественная империя распалась на пять крупных враждующих государств и россыпь мелких княжеств, которые без устали вели междоусобные войны, поглощая друг друга.

Впрочем, для тех, кто шел стезей бессмертия, этот срок не казался вечностью. Мастера, сумевшие преодолеть стадию Зарождения Души и достигнуть Трансформации Духа, обретали долголетие, измеряемое тысячелетиями.

Крупнейшие ордены вроде Секты Высшего Сокровенного или Обители Древней Зелени, процветавшие еще при жизни Хэляня, по-прежнему твердо стояли на ногах. Увы, более подробными сведениями перерожденный патриарх не располагал. Деревня Чжоу уютилась на самой окраине крошечного царства Аньян, затерянного на восточных рубежах континента. Новости из внешнего мира добирались сюда с опозданием на добрых полгода, а то и дольше.

Само понятие «совершенствование» всегда оставалось весьма условным. Каждый искатель стремился проложить собственный путь к вечной жизни, лелея мечту вознестись в Верхнее царство и встать в один ряд с небесными владыками. Оттого и путей существовало великое множество: даосизм, буддизм, темные учения, путь меча, самосовершенствование растений и даже зверей-яо. Разумеется, праведных даосов всегда было большинство, и самые влиятельные ордены континента принадлежали именно им.

Простые люди бледнели при одном упоминании темных практиков, сразу представляя себе чудовищ, использующих несчастных женщин в качестве «сосудов» для парного самосовершенствования. На деле же подобные отщепенцы составляли ничтожное меньшинство. Истинная разница между праведными даосами и последователями темного пути крылась в самом подходе: темные заклинатели следовали велению собственного сердца, презирая любые рамки и условности, тогда как даосы с первых шагов подчиняли свою жизнь строгим правилам ордена. Подобная дисциплина уберегала их от безумия, хотя и сковывала разум.

Темные же заклинатели оставались людьми со всеми их слабостями и страстями. Чем выше поднимался такой мастер, тем сильнее становились искушения и тем легче было поддаться собственным желаниям, навсегда погубив разум искажением ци.

Именно поэтому изыскать среди них тех, кто достиг подлинных высот, всегда было делом непростым — большинство гибло на полпути. Неудивительно, что в глазах обывателей темные заклинатели превратились в исчадий ада, которых зачастую путали с кровожадными демонами из древних преданий.

Хэлянь стал исключением из всех правил — за всю документированную историю Континента Первозданного Начала он оказался первым темным заклинателем, сумевшим подняться до

стадии Трансформации Духа. И пусть последнее испытание завершилось провалом, после его гибели ни один последователь темного учения так и не смог превзойти этот рубеж. За минувшие пять веков ряды темных практиков сильно поредели, а их влияние сошло на нет.

И все же, несмотря на неудачу с вознесением, Хэлянь остался легендой. Для темных практиков он сделался недостижимым идеалом, великим патриархом, чье имя произносили с благоговейным трепетом. Даже праведные старейшины великих орденов невольно мрачнели, стоило кому-то вскользь упомянуть Хэляня Иня.

И вот теперь величайший гений эпохи оказался заперт в теле сопливого крестьянского ребенка. Хуже того, стоило Хэляню обследовать свои новые энергетические каналы, как выяснилось, что это брренное тело наделено лишь жалкими, едва различимыми зачатками водного духовного корня. Путь самосовершенствования для него был закрыт.

В прошлой жизни Хэлянь обладал редчайшим чистым огненным корнем, что позволило ему с легкостью пройти путь от Очищения Ци до Трансформации Духа, опираясь на разрушительные техники пламени. Огонь — стихия яростная, непримиримая, абсолютно несовместимая с водой. И надо же было судьбе сыграть с ним такую шутку: мало того, что начинать заново приходилось с абсолютно чуждой ему стихии, так еще и само тело оказалось на редкость безнадежным. Явись сюда любой мало-мальски понимающий целитель, он лишь со вздохом покачал бы головой: «Заурядный ребенок, к великим делам непригодный».

Но Хэлянь не привык пасовать перед трудностями. С тех самых пор, как он осознал себя в этом теле, мальчик каждый день проводил у воды, пытаясь нащупать новые пути циркуляции энергии. Он уходил в медитацию прямо под ледяными струями водопада, надеясь отыскать лазейку и обойти ограничения слабого тела.

Врожденный талант — лишь начальный рубеж. Имея за плечами тысячелетний опыт и понимание законов мироздания, он вполне мог прорубить собственное окно в небеса, не оглядываясь на приговор природы.

И вот сегодня, когда ему наконец удалось уловить едва заметное движение истинной ци в меридианах, из кустов с криками вывалился Чжоу Да, разом разрушив плоды многочасовых трудов.

Болтовня названного братца за спиной не прекращалась ни на секунду, напоминая назойливое жужжание слепней. Лицо Хэляня стало еще более хмурым.

А ведь тело самого Чжоу Да таило в себе редчайший ледяной духовный корень — чистый, не замутненный мирской грязью сосуд, идеальный для постижения высших истин. Как же нелепо распорядилась судьба! Будь этот глупый мальчишка чужаком, а не его нынешним старшим братом, из него вышел бы превосходный ингредиент для создания пилюль, способных в один миг расширить духовные каналы самого Хэляня. Глядишь, и дело пошло бы куда быстрее.

Стоило Хэляню на мгновение допустить эту вполне логичную для темного патриарха мысль,

как бегущий позади Чжоу Да внезапно почувствовал, как по спине пробежал ледяной предвечерний сквозняк. Передернув плечами, парень громко чихнул.

<http://bllate.org/book/18242/1748921>